

МИХАИЛ СЕВЕРИН

ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО

Тридцать лет он хранил чужие тайны.
Теперь ему осталось раскрыть только одну
кто заказал его убийство.

СОВЕСТЬ КОМПАНИИ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

КОНТРАКТ

FLIGHT
MOSCOW
ISTANBUL
DATE _____ SEAT _____

Михаил Северин
Доверенное лицо

«Автор»

2026

Северин М.

Доверенное лицо / М. Северин — «Автор», 2026

Меня похоронили красиво — с гладиолусами, Шопеном и речами о совести компании. Совестью компании тридцать лет был я: личный юрист трёх людей, которые начинали с клетчатых баулов на стамбульском рынке, а закончили империей с собственными самолётами. Я оформлял их сделки, их разводы, их грехи. Я знал про них всё. Как выяснилось — не всё. Иначе я бы знал, кто из них меня заказал. Теперь я лежу в лучшем зале Москвы, смотрю на своих дорогих, любимых, единственных — и веду последнее дело в своей практике. Улик у меня нет. Зато у меня есть тридцать лет их тайн — и сорок дней свободного времени. Заседание объявляю открытым. Слушается дело о моём убийстве.

© Северин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. О мёртвых — или хорошо, или ничего	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Северин

Доверенное лицо

Глава первая. О мёртвых — или хорошо, или ничего

О мёртвых — или хорошо, или ничего. Удобные условия: живым — говорить, мёртвому — слушать. Тридцать лет я визировал чужие договоры — этот бы завернул с порога. Но под писали за меня: лежишь, слушаешь, каким ты был кристальным человеком, и не можешь даже поднять руку с уточняющим вопросом.

Хоронили меня с размахом, торжественно и слегка бестолково — как всё, что делалось у нас, когда некому было вычитать смету. Зал взяли лучший из возможных, с колоннами и мрамором, в котором отражались свечи; венков нанесли столько, что гроб смотрелся приложением к цветочной выставке. Пахло хвоей, воском и мокрыми пальто — на улице стояла та предзимняя слякоть, когда Москва который день обещает снег и обходится грязью. На лентах золотом писали «незаменимому», «дорогому», «навсегда в наших сердцах» — я машинально отметил, что ни одна формулировка не влечёт юридических последствий. Сам учил.

Оркестрик в углу играл Шопена с лёгким курортным акцентом — так играют в пять часов у бассейна, когда анимация уже кончилась, а ужин ещё не начался. Наняли его, судя по всему, в последний момент, как дозаказывают трансфер. Я оформлял этим людям покупку самолётов, а собственные похороны они мне оформили как банкет в Анталье: пышно, богато и с недоделками по углам. Всё как мы любим. Всё как мы жили.

Первым к гробу вышел Виктор — а как же: другого порядка у нас не водилось отродясь. Стоял монументально, положив ладонь на лакированный борт, как на плечо, и рассказывал собравшимся, что Лев Борисович был совестью компании. Зал скорбно кивал. А мне понравилось: совесть всем нужна, но никто не хочет иметь её при себе — вот и завели одну на всех, на жалованье, в кабинете напротив лифта. Удобно: своя не болит, а чужая — рядом, с девяти до семи.

Говорил он мастерски, с паузами, и в паузах обводил ряды взглядом — проверял, все ли видят, как он держит удар. Костюм сидел на нём, как мундир на генерале; часы стоили не меньше автомобиля; седина уложена волосок к волоску. Ему шли мои похороны. Ему вообще шли большие события — он на них укрупнялся, как актёр, на которого наезжает камера. Кристина стояла рядом, под руку, прямая и парадная, как в почётном карауле, — с полным пониманием протокола. Чёрное было ей к лицу, и она это знала. Ей не было сорока; она хоронила, я думаю, второго человека в своей жизни — и очень старалась делать это правильно.

Паша стоял во втором ряду, хотя первый полагался ему по чину. Второй ряд — его пожизненное место, и всегда добровольное: чтобы видно было — он здесь, но он не отсюда. Одет он был так, чтобы не запомниться; руки сложены перед собой, как у человека, который давно научился ждать. Люся рядом плакала — просто стояла, слёзы шли, и она их не вытирала, будто они не её. Вот к ним у меня претензий не было. К остальным в зале — сколько угодно.

Тофик не плакал — Тофик рыдал. В голос, не стесняясь, сморкаясь в платок размером с наволочку, приваливаясь к плечу рослого зятя, давно привычного к этой обязанности. Половина присутствующих смотрела на него с московским ужасом: человек горюет громко, без оглядки, по-настоящему. Среди приличных людей в этом зале неприличный Тофик был мне, пожалуй, дороже всех.

Потом я пересчитал зал — по секторам, как привык на больших сборах.

Сектор первый, у гроба, — семья; она же фирма: за тридцать лет эти понятия срослись у нас до полной неразличимости. Сектор второй — менеджмент, три ряда тяжёлых пиджаков,

внутри которых шла невидимая, но мне отчётливо слышная работа: кто теперь подписывает, кого вызовут назавтра, не заморозят ли премии в связи с трауром. Финансовый директор скорбел лицом, а глазами уже проводил инвентаризацию. Начальник службы безопасности не скорбел вовсе — он работал: стоял вполоборота к выходу и запоминал входящих.

Дальше начиналась отрасль. Пришли все, и это отдельное удовольствие: за одну панихиду я увидел людей, которых при жизни не собрал бы и повесткой. Конкуренты сбились тесной группой, и печаль их была честной процентов на сорок — смерть юриста, знающего всё про всех, тревожит рынок сильнее, чем падение спроса. Банкиров было двое, из мелких; крупные прислали венки: большие деньги не любят фотографироваться рядом с непонятной смертью. Мелькнула пара чиновников среднего калибра — эти появились ровно на положенное время и исчезли минута в минуту: у этой породы даже соболезнование хронометрировано.

Агентов я насчитал с десятков — региональные, старой закалки. Вот на них я задержался. Половину этих людей я в разные годы поджимал: пересматривал условия, срезал комиссию, а двоих, чего уж теперь, попросту раздавил — красиво, по пунктам, не подкопаешься. И ведь стояли теперь со свечками, крестились, и лица были непростые — не скорбь, не злорадство, а то третье, чему нет имени: пришли убедиться. На похороны юриста, которого боялись, приходят не из любви.

У колонны, поодаль, обнаружился Гриша Вайнер из Екатеринбурга, у которого я когда-то отсудил сеть из шести агентств — блестяще отсудил, до сих пор помню резолютивную часть, — и Гриша, поймав взглядом мой гроб, вдруг перекрестился и заплакал. Вот этого я не понял. Запишем в загадки.

Турки прибыли делегацией — человек двенадцать, тёмные костюмы, лица той особой южной выделки, при которой скорбь безупречна, как крой. Держались они двумя кругами, не смешиваясь. В первом — старики, партнёры с девяностых: эти горевали всерьёз, по-стамбульски, прикладывая руку к груди и покачиваясь, и Мустафа-бей, с которым мы двадцать лет воевали по каждому контракту и восемнадцать из них друг друга уважали, был сер лицом и стар — таким я его не видел никогда. Во втором — молодые, незнакомые, чьи-то заместители и заместители заместителей: эти не горевали, эти присутствовали. Один, в очках, с лицом отличника, оглядывал зал с живым, хозяйственным интересом — будто пришёл не проститься, а принять объект по описи. Я скользнул по ним — партнёры и партнёры, дальний круг — и не задержался.

Не задержался, понимаете. Человек, который тридцать лет находил мину в сноске договора на триста страниц, — скользнул мимо. Хороший юрист. Лучший в отрасли.

Тамара стояла у дальней стены, одна, в чёрном, которое носила не по случаю, — и вокруг неё пустовало метра полтора, словно зал был размечен невидимым геодезистом. Никто не подходил. Люся дёрнулась было через это минное поле — Паша придержал её за локоть, привычно, почти нежно, и она осталась. Механику эту я знал наизусть: подойти к Тамаре — увидит Кристина, увидит Кристина — узнает Виктор, а дальше пункт, которого в их дружбе никто не подписывал, но все соблюдали. Тридцать лет назад эти женщины варили на одной плите на два семейства и заполняли одну кассовую тетрадь на четверых мужчин, включая меня, голодного. Теперь между ними лежали эти полтора метра мрамора, и я посередине — единственный, кому дозволялось не выбирать сторону. Покойным можно.

Она смотрела на гроб — на меня — долго, не мигая, и я, изучивший все её выражения ещё с тех времён, когда она отчитывала меня за перерасход на такси, впервые не мог прочесть ни одного. То ли прощала, то ли проверяла, что я действительно там. За то, что я ей сделал — своими руками, своим ровным почерком, по всем правилам юридической техники, — я заслужил и то и другое.

Никита стоял между двумя женщинами, не приближаясь ни к одной: мать — через зал, у стены; Кристина — у гроба, под руку с отцом. Каждый его шаг в этой геометрии становился

заявлением, поэтому он не двигался вовсе — крупный, тёмный, неподвижный, с желваками, ходившими, как у отца в молодости. Я помнил его у бассейна в Кемере, с рацией трансфермена, счастливого; помнил его подпись на документах, которые он не читал, потому что дядя Лёва плохого не подсунет. Дядя Лёва не подсунет, нет. Дядя Лёва аккуратно подошёт.

У самых дверей маячил следователь — наш, московский, из тех, что вели дело о моей смерти. Явился взглянуть, кто придёт: старая школа. Выходило, что моей смертью в зале занимались трое — начальник безопасности, следователь и потерпевший, — и шансы были только у меня: эти двое искали среди чужих, я — среди своих.

Вот теперь — к делу.

Вопрос у меня был один, и я задал его залу — беззвучно, как теперь умею: кто? Кто из вас, дорогие мои, любимые, родные, заказал меня, как заказывают столик, — заранее, на конкретное число?

Случайной жертвой я не был — это я проверил в первую очередь. Случайных не убивают так аккуратно. Меня сделали чисто, профессионально, без эмоций — как я сам тридцать лет делал людей. Я, правда, обходился бумагой. Значит — заказ. Значит — мотив. Значит, заказчик, по всей логике моего ремесла, стоит сейчас в этом зале со свечкой, и лицо у него правильное. Может быть, ему даже искренне жаль: одно другому, поверьте старому юристу, совершенно не мешает.

Я оглядел их ещё раз — от Виктора с его ладонью на моём гробе до Тамары у дальней стены, от рыдающего Тофика до неподвижного Никиты, от раздавленных агентов до плачущего Гриши Вайнера — и подумал, что знаю этих людей лучше, чем они себя. Я хранил их деньги в трёх юрисдикциях, а их грехи — в себе. Я знал, кто чего боится, кто кому должен и кто кого не простил. Тридцать лет я вёл их дела.

Поведу и это.

Заседание объявляю открытым. Слушается дело о моём убийстве.

Свидетелей — полный зал. Подозреваемых — по числу венков. Потерпевший, вопреки обыкновению, присутствует лично и от дачи показаний не уклоняется. Одна процессуальная сложность: следствию, судье и покойному придётся работать в одном лице, но, во-первых, мне не привыкать к совмещению должностей, а во-вторых, покажите мне в этом зале хоть одного, кому я мог бы доверить дело.

То-то и оно.

Панихида между тем дотлевала, оркестрик доигрывал, зал начинал перестраиваться к прощанию, и в этом общем медленном движении Паша наклонился к Виктору — чуть, на полголовы — и сказал вполголоса, так, чтобы слышал один Виктор.

Слышали двое.

— Вить, — сказал Паша тихо. — Не здесь и не сегодня, я понимаю. Но нам надо поговорить. Я выхожу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.